

Елена Арсеньева

ДЕМОНЫ ЗИМНЕЙ НОЧИ

"ГОРОДИШКО"

Елена Арсеньевна Арсеньева

Демоны зимней ночи

Серия «Городишко», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
Большая книга ужасов 2016 : [повести] / Елена Арсеньева, Елена Артамонова, Светлана Ольшевская, Ирина Щеглова.: Эксмо; Москва; 2016

Аннотация

Не каждому удается запомнить свою смерть – а вот Валюшка запомнила. Девочка погибла, получив по голове сосулькой и замерзнув в сугробе... а потом очутилась в прекрасном дворце. Стены его были выложены плитами из разноцветного льда и украшены скульптурами животных, с потолка свисали хрустальные нити, издающие чудесный перезвон... И Валюшку тут ждали как почетного гостя! Девочка попыталась понять, что происходит. Ведь мертвой она себя не чувствовала, а волшебное место, в котором она вдруг оказалась, чем дальше, тем меньше походило на сказочный дворец...

И даже вернувшись к жизни, она не знает, как избавиться от призраков загробного царства, которые преследуют ее!

Эта повесть – вторая из серии «Городишко», в которую входят также «Остров потерянных душ», «Сын тумана», «Никто из преисподней», «Лунный пес».

Елена Арсеньева

Демоны зимней ночи

На обложке использован фрагмент картины Джозефин Уолл «Полярная принцесса».

© Арсеньева Е., 2016

Валюшка и не подозревала, что умерла, пока ей не открыл глаза доктор Потапов.

«Открыл», конечно, в переносном смысле. В буквальном они и так были открыты – голубые оледенелые Валюшкины глаза...

Доктор сказал:

– Вот же невезуха! Первый день из отпуска – и сразу такая находка... Бедная девочка.

И почти сразу Валюшка увидела его, доктора Потапова. Конечно, фамилию его она тогда еще не знала. И, поскольку глаза ее застыли и покрылись тоненькой ледяной корочкой, доктор представился Валюшке таким странноватым, выпукло-вогнутым существом.

Существо это сначала дрожало, вибрировало, меняло очертания, но постепенно Валюшка приспособилась к при-

чудам своего зрения и разглядела, что доктор уже немолодой: седоголовый, седоусый. А лицо у него очень печальное.

Интересно, почему?

В эту минуту доктор сказал:

– Ну и зачем вы меня, товарищ начальник полиции, вызвали? Сразу в морг ее надо было везти. К сожалению, Сан Саныч, перед нами в снегу лежит труп, с одного взгляда ясно.

Валюшка очень удивилась.

Как известно, труп – это мертвое тело. Однако никаким трупом, никаким мертвым телом Валюшка себя совершенно не ощущала. Она все это время – а сколько времени-то прошло, интересно, с тех пор, как на нее обрушился снежный ком с крыши?! – была уверена, что просто сильно ушиблась.

Удар по голове оказался настолько чувствительным, что Валюшка даже удивилась, что не потеряла сознания. Но, наверное, сотрясение мозга она все же получила, потому и не могла ни рукой ни ногой шевельнуть, ни толком решить, что же теперь делать. Валюшка знала, что она лежит в сугробе, заваленная снегом, однако снег этот не мешал ей дышать, а главное – ей совершенно не было холодно. Голова, правда, немножко кружилась, и было такое ощущение, что она лежит на надувном матрасе, который покачивают легкие волны.

Однажды их детдомовскую группу возили на Горьковское море. Ну вот там и удалось Валюшке покачаться на волнах. Как же это было здорово! Сверху солнце жарит, снизу прохладой водной веет, а легкие волны нежат тебя и качают

словно бы с любовью...

Можно закрыть глаза и представить, что лежишь на руках у мамы, которую никогда не видела.

Или у папы, которого ты тоже не видела никогда...

Валюшка тогда, на Горьковском море, напредставлялась до того, что ее чуть ли не силком на берег выволакивали. Если бы могла, она бы на этом надувном матрасе всю жизнь нежилась!

Вот и в сугробе она наслаждалась похожим ощущением и поэтому несколько утратила представление о времени, месте и вообще о реальности... И вот вдруг печальный седоусый доктор сообщает ей, что она умерла! Что она явный и неоспоримый труп.

«Что за чепуха!» – хотела воскликнуть Валюшка, но язык не повиновался.

Она собралась помахать рукой и дать понять доктору и Сан Санычу, начальнику полиции, что они ошибаются, однако не повиновалась и рука.

Аналогично вели себя ноги и все прочие части ее лица и тела, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы заявить о себе как о живом существе.

Валюшке стало не по себе.

Каждому известно, что происходит с трупом! В морге его вскрывают, как консервную банку – это называется «анатомировать», – и выясняют причину смерти.

Поскольку Валюшка, как уже было сказано, трупом себя

не чувствовала и анатомированной быть совершенно не хотела, ей стало реально страшно. Она, наверное, даже похолодела бы от ужаса, если бы могла еще больше похолодеть.

– Да ладно, не переживай! – сказал в это время кто-то рядом. – Сейчас я тебя отсюда вытащу.

Кто это? Кто с ней говорит?!

Валюшка попыталась повести глазами, но напрасно.

– Тихо лежи! – сердито буркнул неизвестный. – Затрудняешь путь.

«Какой путь?! Куда?!» – хотела спросить Валюшка, но не успела: земля под ней, такое ощущение, разверзлась – и ее куда-то потащило.

Куда-то вниз!

Валюшка и правда испугалась, потому что неведомая сила словно бы извлекала ее из собственного тела. Тело сопротивлялось, да и вытаскиваемая часть не слишком-то хотела вытаскиваться.

– Тихо лежи! – раздраженно повторил неизвестный. – Ты мешаешь! Нет, не получается! А ну-ка, скажи: «Ис-форсьё-лисо-моркет-доден-хоплесхет»!

Что за чушь? Такое разве выговоришь?! А главное, чем выговорить? Губы-то не шевелятся!

И тут произошла вот такая странная вещь. Валюшка ощущала, что губы ее, лежащей в сугробе, по-прежнему остаются оледенелыми и неподвижными, но губы той, которую

незнакомец пытался выдернуть из ее тела, зашевелились, повторяя эту абракадабру с необычайной легкостью, как будто Валюшка всю жизнь учила ее наизусть:

– Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет!

– Есть! – радостно завопил незнакомец. – Сделано!

Рывок – и Валюшка почувствовала, что вырвалась из своего заледенелого тела!

Теперь она словно бы повисла... Но где?!

– Ну вот и все, – довольным голосом сказал незнакомец. – Теперь ты с нами.

– Я ничего не понимаю! – крикнула Валюшка. – Где я? Кто вы? С кем я? Почему я ничего не вижу?! Кто со мной говорит?! Здесь где-нибудь есть свет?

– С тобой говорю я, – отозвался голос. – Меня зовут Гарм. А света здесь полно! У тебя еще просто глаза не привыкли. Подожди немного, не дергайся, и все скоро разглядишь.

– Никак не пойму, – озадаченно пробормотала Валюшка, – я что делаю: сижу или стою? Или вишу? Я вообще ничего не ощущаю!

– Надо потерпеть, – мягко сказал Гарм. – Еще совсем немножко, поверь.

Валюшка недовольно хмыкнула. Вообще-то ей ничего другого не оставалось, кроме как ждать, терпеть и на слово верить этому Гарму. Ну а пока его обещания не сбылись, она пыталась хоть как-то освоиться с тем местом, куда попала.

Здесь было ни жарко, ни холодно, ни темно, ни светло –

просто ничего не видно в сплошной белесой мгле. Но неподалеку что-то шуршало и потрескивало, поскрипывало и скрежетало.

Этот звук очень напоминал свист поземки по льду. А иногда – скрип снега под чьими-то шагами, то быстрыми, то медленными. Но чем напряженной Валюшка вслушивалась, тем отчетливей понимала: это не случайный набор звуков, а как бы музыка – странная, печальная и торжественная мелодия, похожая временами на марш, а временами на вальс. И к ней иногда присоединялся легкий хрустальный перезвон.

Музыка становилась все громче, перезвон усиливался, волна звуков нарастала, и вот на Валюшку словно шквал обрушился – и в то же мгновение она обнаружила, что этими звуками, будто ветром, развеяло белую непроницаемую мглу.

Зрение вернулось!

И тут у Валюшки от восхищения перехватило дыхание, ибо ничего прекрасней она не только не видела раньше, но и представить себе ничего подобного не могла.

Оказывается, она попала в дворцовый зал. Великолепный зал! Причудливые стены его были выложены, как показалось Валюшке, прозрачным хрусталем и еще какими-то плитами: голубоватыми, зелеными, мглисто-серыми и снежно-белыми.

На стенах были с необыкновенным искусством изваяны птицы и звери – тоже белые.

Чудилось, птицы и звери замерли на миг, но вот-вот этот бык, эта лиса, этот ястреб, этот лебедь и все прочие вырвутся из стен – и ринутся вперед!

Сверху, с потолка, который терялся в непроглядной вышине, свешивались гирлянды серебряных и хрустальных нитей. Они подрагивали, издавая чудесный перезвон. Потолок был опутан этими нитями словно поющей и сверкающей паутиной.

На стенах оказались укреплены бенгальские огни, от которых разлетались кругом тысячи и тысячи ослепительных белых искр.

Валюшка даже взвизгнула от восторга! Неужели здесь уже празднуют Новый год? Но ведь до него еще далеко...

А впрочем, какая разница? Главное, что кругом невообразимая красотища!

Она видела бенгальские огни только раз в жизни – на елке в детдоме несколько лет назад. Это было потрясающе! Однако больше их не зажигали: как объяснили детям – из боязни пожара. Наверное, это было правильно, но кто бы знал, как Валюшка тосковала по той красоте! Когда сияли бенгальские огни, елка пахла особенно остро и волнующе.

Валюшка принялась.

Елкой здесь не пахло.

Как ни странно, не чувствовалось вообще никаких запахов.

– Что же это такое? – пробормотала она. – Что это за дво-

рец?

– Он называется Хельхейм, – отозвался Гарм. – Это парадная зала. Здесь мы встречаем особенных гостей.

– То есть я особенная гостья? – удивилась польщенная Валюшка, оборачиваясь на его голос.

Да так и ахнула!

Перед ней находились великолепные рыцарские доспехи, выкованные, как показалось Валюшке, из серебра и сплошь усеянные бриллиантами. В свете бенгальских огней они искрились и сияли так, что слепили глаза.

– Вот и я, – сказал Гарм.

Вот и он? Да нет, здесь нет никого! Только доспехи: панцирь, наколенники, перчатки... Вот одна перчатка взлетела и чуть помахала, как будто рука, на которую она была надета, поприветствовала Валюшку. Но в том-то и дело, что ни рук, ни ног, ни головы того, на ком были надеты доспехи, она не видела! В доспехах просто-напросто никого не было!

– Ты где, Гарм? – спросила Валюшка испуганно.

– Я здесь, – ответил Гарм, и перчатка снова приветственно помахала. – Я рядом. Но чтобы увидеть меня, ты должна кое-что сделать.

– Что? – Валюшка аж подпрыгнула от любопытства.

– Ты должна с кем-нибудь заговорить.

– Но ведь я с тобой говорю, – возразила она.

– Ты должна заговорить с кем-нибудь из других гостей.

– Тут еще кто-то есть? – огляделась Валюшка. – Где же

они, эти гости?

– Скоро я тебе их покажу, – пообещал Гарм. – Они будут к тебе обращаться, и ты им обязательно отвечай. А сейчас...

Сверкающая перчатка звонко щелкнула пальцами – и Валюшка оказалась облачена во что-то мягкое, пушистое... как бы в шубу, что ли? Ну да, в шубу – белую, отливающую серебром! Шуба была длинная, до пят, с капюшоном, и потрясенная Валюшка замерла, открыв рот и разглядывая себя.

Что же это за невероятный мех?! Так белеет, так искрится только свежавыпавший снег ярким, солнечным, морозным днем!

– Это мне? – ошеломленно пискнула Валюшка.

– Конечно, – подтвердил Гарм.

– Но я... но мне... – залепетала было Валюшка – и осеклась.

Она хотела сказать, что ей неловко принять такой дорогой подарок, да и зачем надевать шубу, если ей совершенно не холодно, как вдруг до нее дошло, что все это время она была совершенно голая!

Вся ее одежда осталась на теле, из которого Валюшку вытянул Гарм!

И она стояла голышом перед мужчиной... перед молодым и, конечно, очень красивым мужчиной: судя по его приятному голосу и драгоценным доспехам, которые он носил.

Не важно, что Валюшка не видела Гарма. Он-то ее видел! И, наверное, ему стало стыдно за нее, вот он и надел на нее

шубу. Чтобы она не позорилась перед другими гостями!

Валюшку так и бросило в жар. Да в такой, что еще чуть-чуть – и она буквально сгорела бы со стыда!

И в тот же миг... в тот же миг шуба, эта великолепная, непредставимо роскошная шуба, исчезла!

Ну да, пропала, словно ее никогда не было!

А Валюшка начала суетливо прикрываться ладошками.

Мест, которых следовало прикрыть, было три, а ладоней имелось в распоряжении всего-навсего две. Валюшка только собралась использовать для прикрытия также и локоть, как вдруг обнаружила странную вещь.

Она вовсе не была голой! Все тело ее оказалось покрыто какой-то странной белой пленкой, слегка отливающей перламутром. Такое впечатление, что Валюшка надела облегающий комбинезон из тонкой, необычайно эластичной ткани, прикосновения которой она даже не чувствовала. Однако под этой тканью было совершенно невозможно разглядеть ничего из того, что неприлично демонстрировать людям.

Валюшка с откровенным облегчением перевела дух, опустила руки, чтобы не стоять в такой нелепой позе, и обнаружила, что Гарм исчез.

Мало того! Все вокруг разительным образом изменилось!

Бенгальские огни погасли. Стены дворца потемнели и словно бы покосились. И Валюшка успела увидеть, как панически убегают и улетают с них белые звери и птицы, взвивая вслед за собой снежные вихри.

Она растерянно посмотрела вверх.

Музыкальная серебристая паутина исчезла. Вместо нее с потолка свешивались черные осклизлые корни огромного дерева! И этими корнями были оплетены какие-то фигуры, висящие в вышине.

Сначала Валюшка не могла их разглядеть в том тусклом, белесом полумраке-полусвете, который воцарился вокруг, но корни вытягивались и приближали свою ношу к Валюшке, словно хотели, чтобы она все хорошенько увидела.

Валюшка всмотрелась – и задохнулась от ужаса! Отшатнулась, поскользнулась – и плюхнулась наземь, продолжая ошарашенно тарашиться вверх, где медленно раскачивались... медленно раскачивались мертвые тела людей и животных!

Их было много! Собаки, кошки, застывшие в причудливых позах, был даже теленок! – и люди, люди с белыми окостеневшими лицами, имевшими одинаковое выражение безнадежности и терпения: мужчины, женщины, дети...

Валюшка переводила взгляд с одного на другого, невольно зажмуриваясь, когда встречала устремленный на нее тусклый, безжизненный взгляд, но тут же снова открывала глаза и оглядывалась снова и снова, как будто была приговорена к этому страшному созерцанию.

Вдруг что-то коснулось ее плеча.

Валюшка обернулась – и в ужасе отпрянула от мертвой девушки, которая, раскачиваясь, невзначай тронула ее застыв-

шей рукой.

Девушка была одета в спортивный костюм: теплые черные рейтузы, лыжные ботинки, короткую красную меховую курточку и красную вязаную шапку с большим белым, похожим на хризантему помпоном. Из-под шапки ниспадали длинные рыжие пряди распущенных волос. Все это было как бы припорошено белой пылью. Валюшке не сразу удалось понять, что это иней.

Одна нога у девушки была странно согнута в колене, и из рваной штанины торчал обломок кости.

Мертвое тело медленно раскачивалось рядом с Валюшкой, и вот повернулось к ней лицом.

И Валюшка невольно испустила вопль ужаса, потому что девушка открыла глаза – они оказались мутно-серыми, мглистыми, неживыми! – и слегка разомкнула посиневшие губы.

– Молчи... – донеслось до Валюшки словно бы дуновение дальнего ветерка. – Не говори с нами. Не отвечай нам. Не называй своего имени! Иначе не вырвешься отсюда. Навсегда останешься здесь, как мы... А если увидишь Цингу с двенадцатью лихорадками – не смотри ей в глаза!

Валюшка с перепугу чуть не лягнула: «Что ты такое говоришь, я ничего не понимаю?!» – но вовремя вспомнила предостережение – и не проронила ни слова.

Девушка закрыла глаза, губы ее мучительно сжались, и теперь, глядя на нее, совершенно невозможно было поверить, что минуту назад она смотрела на Валюшку и говорила с ней!

Корень, обвивавший тело девушки, качнулся – и утащил ее вверх. На смену ему спустился другой корень – с двумя маленькими мальчиками в одинаковых черных шубках, сплошь покрытых льдом. Лица и непокрытые головы детей тоже были скованы ледяной коркой, а маленькие руки одного судорожно держались за руки другого. Один был обут в валенки, а второй оказался лишь в толстых шерстяных носках.

Зрелище их вытаращенных, заледенелых глаз и открытых в безмолвном крике ртов заставило Валюшку расплакаться. Она закрыла лицо руками, но в это мгновение что-то пронеслось мимо, какой-то вихрь, и она отдернула руки от лица.

Да что такое творится?! Опять вокруг нее сверкающие в бенгальских огнях стены дворцовой залы, сложенной из белоснежных, голубоватых и зеленых плит!

«Да ведь это лед! – поняла Валюшка. – Весь этот дворец – изо льда! Здесь какое-то ледяное царство! Вот почему мертвые тела были покрыты льдом и инеем!»

Вдруг она заметила, что на стены возвращаются белые звери и птицы: так же стремительно, как убегали, только задом наперед!

Последним примчался белый бык: Валюшка успела увидеть, как он вскочил на свое место на стене и, прежде чем слиться с ней, бросил на Валюшку взгляд выпученных белесых глаз – взгляд, полный такой лютой ненависти, что она, наверное, упала бы, пораженная силой этой ненависти, если

бы и так не сидела на полу.

– А почему ты сидишь на полу? – раздался голос Гарма, и Валюшка почувствовала, как металлические перчатки подхватили ее под мышки и вздернули на ноги.

Валюшка оглянулась в надежде, что наконец-то увидит его, но перед ней по-прежнему сверкали только великолепные доспехи.

Однако Валюшку не оставляло ощущение, что на нее устремлен пристальный, требовательный взгляд.

Она поежилась.

– Поскользнулась и упала, только и всего, – ответила, как ей казалось, равнодушно.

– С кем ты разговаривала? – спросил Гарм.

– Да ни с кем, – пожала она плечами.

– Но я слышал чей-то голос...

– Тебе почудилось, – сказала Валюшка твердо.

Почему-то она была совершенно убеждена, что Гарм ничего не должен знать о том, что тут произошло.

– Определенно почудилось, – повторила решительно. – С кем тут говорить? Все вдруг исчезли – и ты, и даже звери с птицами со стен.

– Тебе почудилось. – Теперь в голосе Гарма звучала усмешка. – Видишь, все на своих местах. – Перчатка указала на стену, откуда на Валюшку мрачно смотрел белый бык.

– Вижу, – кивнула она покладисто. – Значит, почудилось. Вот только шуба ку...

Она хотела сказать «куда-то пропала», но не успела, ощутив на своем теле почти невесомый пушистый мех.

Шуба вернулась! Вот это да!

– Почудилось! – настойчиво сказал Гарм. – И что бы тут ни происходило, ты не должна обращать на это внимание. Ведь ты особая наша гостья. Мы не зря спасли тебя от смерти. На тебя возлагается столько надежд...

– Погоди-ка! – перебила Валюшка. – Я что-то не пойму. Ты говоришь – спасли от смерти. Но ведь ты вытащил меня из моего тела, так?

– Так, – согласился Гарм.

– Значит, оно лежит где-то в сугробе, а я тут разговариваю с тобой в этом, как его... Хельхейме?

– Да, правильно, – одобрительно сказал Гарм.

– То есть я – это не я, а моя душа, так, что ли? – с ужасом проговорила Валюшка. – Моя душа в каком-то ледяном аду...

– С чего ты взяла? – Серебряная перчатка резко взлетела в протестующем жесте. – Почему ты решила, что это ад?! Может быть, это рай!

«Потому что в раю не может быть замерзших трупов людей и животных», – чуть не ляпнула Валюшка, но тотчас вспомнила, что она как бы ничего не видела, и довольно нагло передернула плечами:

– Да какая разница, рай это или ад? Главное, что я – это не я, а моя душа, так?

– Нет! – Перчатка чиркнула перед ее лицом, как будто Гарм протестующе взмахнул рукой. – Пока что здесь находится твоя сила.

– Что? – непонимающе подняла брови Валюшка.

– Сила. Жизненная сила. Ее, надо сказать, в тебе еще слишком много, иначе ты бы не смогла протаять... – Гарм вдруг осекся. – Ладно, это не важно. Только когда эта сила иссякнет, ты умрешь – и душа покинет тебя: вознесется в рай или канет в ад. Сейчас ты находишься между жизнью и смертью. Там, наверху, люди убеждены, что ты уже погибла. А на самом деле жизнь твоего тела как бы оцепенела. Тело спит. Заморожено и спит...

– Заморожено и спит? – насторожилась Валюшка. – Значит, его можно разбудить? Растаять? Если меня – силу – вернуть в мое тело, оно оживет?

– Ты хочешь вернуться в свою прежнюю жизнь? – Голос Гарма звучал недоверчиво.

Валюшка почувствовала, как дрожь прошла по ее телу.

Ладно, не по телу. Тело лежит в сугробе. Значит, дрожь прошла по ее жизненной силе. Да не важно, по чему!

Важно другое.

Хочет она вернуться обратно? Вернуться в детдом?

Нет. Нет!

Ведь она почему здесь оказалась? Потому что сбежала отсюда.

Валюшка с великим трудом добралась до этого городка,

который назывался очень смешно – Городишко, – потому что искала тетю Тому! Мамину сестру! Единственного родного человека! Правда, тетя Тома никогда Валюшку не навещала, но иногда – два или три раза в год – присылала конфеты и печенье. А потом перестала. И Валюшка забеспокоилась – не случилось ли с ней чего? Может, тетя попала в больницу? А ухаживать за ней некому... Вот Валюшка и пригодится.

Да и просто захотелось на тетю Тому посмотреть, может быть, даже прижаться, чтобы она обняла, погладила по голове и поцеловала в висок, как мама когда-то целовала... В детдоме-то не слишком пообнимаешь кого-нибудь, а воспитатели по большей части орут.

Мечты – их Валюшка даже от самой себя таила! – были о том, что тетя Тома вдруг ее полюбит и скажет: «Деточка моя маленькая, оставайся у меня жить». Валюшке безумно хотелось, чтобы ее назвали маленькой, чтобы деточкой назвали. Воспитатели знай твердили: «Ты уже большая, тебе уже тринадцать. Пора умнеть! Пора учиться думать самостоятельно!»

Вот Валюшка и надумала самостоятельно тетю Тому искать. Чтобы та поцеловала ее в висок и сказала: «Деточка моя маленькая...»

Сбежала она из детдома 10 декабря. Там был праздник – коллективный день рождения всех, кто родился в декабре. И Валюшка под шумок дала деру.

Денег у нее не было. Несколько бутербродов удалось стащить в столовой, а денег и стащить оказалось неоткуда. Поэтому на электричке Валюшка ехала зайцем, бегая от контролеров по вагонам.

Приехала в Городишко, пошла по адресу, который был указан на тетиных посылках и который Валюшка, понятное дело, знала наизусть, – но обнаружила там только чужих людей. Тетя Тома, оказывается, недавно продала квартиру и уехала куда-то. А куда – никто не знает. Так что Валюшке нужно возвращаться в детдом...

Опять в электричках от контролеров бегать!

Она шла по улице и плакала. И ничего не видела от слез. И думала только о том, что она не хочет, не хочет возвращаться! Вот и прошла вплотную к зданию, которое все умные люди стороной обходили. На его крыше снег аж пластом сползал, тяжело нависая над тротуаром, да еще огромная сосулица там висела, и все это могло оборваться в любую минуту. Ну, и оборвалось, когда Валюшка мимо шла.

Она вспомнила, что сосулица разбилась перед самым ее носом. А потом ее с головой накрыло снежным пластом.

И Валюшка снова подумала о том, сколько же времени она пролежала в сугробе...

Наверное, очень долго. В детдоме небось ее уже искать перестали. А она вдруг вернется – здравствуйте! Ох, что же ее там ждет...

Даже думать об этом неохота!

– Нет! – закричала Валюшка. – Не хочу туда снова!

– Вот и прекрасно, – радостно воскликнул Гарм. – А теперь надо представиться госпоже – и можно будет подумать о дальнейшем.

– О чем дальнейшем? – спросила Валюшка, но он не ответил.

Сверкающие латы повернулись в сторону: наверное, Гарм туда смотрел, – и Валюшка тоже туда посмотрела.

Сначала она видела только ослепительное белое сияние, а слышала – мерный плеск. Казалось, что издалека приближается большая лодка с несколькими гребцами, которые слаженно опускают весла в воду и так же слаженно поднимают их.

И вот лодка показалась.

Нет, назвать ее лодкой было невозможно. Только великолепное слово «ладья» подходило к ней!

Да, это была сверкающая, белоснежная ладья, напоминающая огромного лебедя! С боков взлетали серебряные весла: по пять с каждой стороны.

На ее носу находилось изображение головы громадного белого пса. Валюшке показалось, что голова эта высечена из льда. И ладья тоже была, конечно, ледяной.

Бледно-зеленые волны, по которым она плыла, вдруг заплескались у самых ног Валюшки, и она испуганно попятилась, подбирая полы своей длинной шубы.

Серебряная перчатка Гарма легла на ее плечо, успокаивая:

– Эта река называется Гьёлль. Тебе нечего бояться, раз ты со мной.

И в самом деле – волны всплеснулись в последний раз и улеглись. Ладья, чуть повернувшись боком, остановилась, и с борта ее упала затейливо высеченная изо льда лесенка с перилами.

Гарм подтолкнул к ней Валюшку:

– Иди поклонись госпоже.

Она запнулась, заробела, и Гарм ласково сказал:

– Не бойся, я буду рядом. Подскажу, что делать. Первой тебя встретит Модгуд. Поклонишься ей один раз. Потом увидишь Скади. Ей отвесишь два поклона. И наконец представишь перед нашей госпожой Хель, хозяйкой этого дворца. Ей поклонись трижды. На фебер, которые сидят на веслах, можешь не обращать внимания.

– Им не кланяться? – испуганно уточнила Валюшка.

– Нет. Ну, вперед!

Гарм подтолкнул ее, и Валюшка стремительно поднялась, можно сказать – даже взлетела по ледяным ступенькам. Правда, на последней споткнулась, запутавшись в полах шубы.

Худая старуха с белым грубым лицом и белыми волосами, вся в белом, подала ей руку и помогла взойти на гладкую, отливающую бледной лазурью палубу.

«Первой тебя встретит Модгуд», – вспомнила Валюшка слова Гарма и поклонилась один раз.

Старуха в ответ тоже поклонилась и отошла в сторону, а перед Валюшкой оказалась молодая и очень красивая женщина, которую, видимо, звали Скади. Между прочим, за эту холодную красоту ее вполне можно было бы назвать Снежной королевой, если бы на ней не оказалось тяжелого шлема, кольчуги и опоясывающего ее талию меча. Это была женщина-воин, и голубые глаза ее смотрели холодно и безжалостно. Впрочем, поскольку меч оставался в ножнах, Валюшка все же осмелилась дважды поклониться.

Скади слегка кивнула и посторонилась, пропуская Валюшку к возвышению, установленному посреди ладьи. На возвышении сидела женщина, вся укутанная сверкающими покрывалами. Однако Валюшка тотчас поняла, что это не покрывала, а метельные вихри с искрящимися в них снежинками и крошками льда.

Видимо, это и была повелительница Хель. Чтобы добраться до нее, предстояло подняться еще по одной лесенке.

Берясь за перила, Валюшка бросила случайный взгляд в сторону – на гребцов. С каждой стороны ладьи их сидело по пять. Гребцами оказались молодые и необыкновенно красивые девушки в серебристых одеяниях. Это, значит, их Гарм назвал «фебер».

Правда, красоту фебер портило выражение их точеных лиц: неподвижное, оледенелое и даже несколько тупое... Однако прозрачные бледно-голубые глаза их следили за каждым движением Валюшки со странным, жадным, голодным

выражением. Чтобы лучше рассмотреть Валюшку, они даже высовывались друг из-за дружки.

«Почему они так смотрят?» – изумленно подумала Валюшка, которой от этих взглядов стало очень не по себе. И вдруг в памяти всплыли слова той мертвой девушки: «Если увидишь Цингу с двенадцатью лихорадками – берегись смотреть ей в глаза!»

«Цинга» и «лихорадки» – это какие-то очень противные слова. А девушки – красавицы! Вдобавок, их не двенадцать, а десять. Ну и что же, что так странно смотрят? Надоело им сидеть на веслах – вот и уставились на незнакомого человека.

В общем, ни Цинги, ни лихорадок здесь нет.

Ну и хорошо, можно успокоиться.

Однако успокоиться не удавалось. Честно говоря, даже подобия спокойствия Валюшка не испытывала с того мгновения, как увидела потемневшие стены дворца, а главное – с тех пор, как услышала мертвый и в то же время полный страшной муки голос той погибшей девушки!

Было страшно и хотелось оказаться как можно дальше отсюда.

Но где? Да где угодно, только не здесь и не в детдоме!

А в самом деле, где тогда?..

Где-нибудь, где бы ее любили. Где бы она была хоть кому-нибудь нужна!

– Ну, поднимайся к госпоже! – раздался нетерпеливый голос Гарма, и Валюшка поставила ногу на ступеньку.

Она взбиралась по лесенке еле-еле, боясь поднять глаза, и вот наконец увидела отороченный великолепным сияющим мехом подол какого-то одеяния. И мех, и искристая ткань были белыми. Из-под подола высовывался носочек белоснежного сапожка.

Валюшка перевела взгляд выше – и покачнулась. Перед ней восседала женщина такой невероятной красоты, что Скади и фебер казались рядом с ней замарашками из самого зачуханного детдома.

Чеканные черты Хель были совершенны. Длинные белые косы сверкали так, словно были унизаны бриллиантами.

В одной руке она держала хрустальный шар, в другой – длинное копье.

Глаза ее были закрыты, губы сомкнуты, и белые ресницы лежали на белых щеках словно белые стрелы.

– Кланяйся! – долетел до Валюшки свистящий шепот Гарма, и она поклонилась так низко, как могла, потом еще раз и еще.

Однако Хель оставалась неподвижной и не открывала глаз.

– Госпожа почему-то гневается на тебя, – с тревогой про-
бормотал Гарм. – Не хочет удостоить тебя даже взглядом.
Скорее скажи заклинание, чтобы она смилостивилась.

– Какое заклинание? – непонимающе прошептала Валюшка.

– Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет, – подсказал

Гарм. – Помнишь?

Конечно, Валюшка помнила. Когда она произнесла эти слова, Гарм вырвал из ее тела жизненную суть. И Валюшка очутилась в этом странном мире...

Зачем нужно произнести заклинание еще раз? Что случится тогда?

Она не знала. Но стало так страшно... еще страшней, чем было раньше!

Вдруг за спиной Валюшки раздался какой-то шелест. Она обернулась и увидела, что все фебер, а также Скади и Модгуд медленно приближаются к помосту. Вид у них был недобрый, если не сказать – угрожающий.

– Что им нужно?! – взвизгнула Валюшка испуганно.

– Скажи заклинание! – воскликнул Гарм. – Скорей!

– Что значат эти слова? – жалобно пискнула Валюшка. – Я не могу их запомнить!

– Потом объясню, а сейчас повторяй за мной! – крикнул Гарм. – Скорей! Ис-форсьёлисо...

Валюшка приоткрыла рот, но не смогла заставить себя повторить эту абракадабру. Казалось, если она произнесет хоть слово заклинания, случится что-то ужасное!

Внезапно послышался какой-то скрежещущий звук, и Валюшка увидела, что Скади медленно вытягивает из ножен меч. Глаза ее с неумолимым выражением устремились на Валюшку. И нетрудно было догадаться, на кого Скади собирается обрушить свой меч!

– Ис-форсьёлисо-моркет-доден-хоплесхет! – торопливо подсказывал Гарм.

Перепуганная Валюшка кое-как повторила.

Скади резким движением отправила меч в ножны и отступила.

Фебер и Модгуд тоже попятнулись.

А Валюшка с трепетом посмотрела на Хель.

Тяжелые белые ресницы медленно поднялись, и Хель взглянула на Валюшку.

Та зажмурилась, отпрянула... и, оступившись, покатилась кубарем с возвышения, а потом и с лесенки, по которой поднималась на борт корабля.

Увесисто шлепнулась на лед, вскочила и, заметавшись, стала тереть глаза, потому что их до сих пор жгло от взгляда красноглазой Хель.

Да-да! У нее были алые, будто кровь, пылающие, как огонь, пронзительные, словно удар копья, глаза!

Металлическая перчатка опустилась на плечо, и Валюшка наконец осмелилась разомкнуть сожмуренные веки.

Рядом блестели доспехи Гарма.

– Не бойся, – ласково сказал он. – Ты удостоена великой чести. Не на всякого соблаговолит взглянуть наша госпожа!

Валюшка кивнула, подумав, что прекрасно обошлась бы без этой ужасной «великой чести».

– Сейчас я познакомлю тебя с другими гостями – и ты поймешь, что здесь очень хорошо живется. Смотри, какие

они веселые, какие счастливые!

Он вскинул руку, и Валюшка услышала веселый перезвон, который доносился откуда-то сверху.

Запрокинула голову – и увидела, что к ней спускаются сверкающие качели, на которых сидят люди в нарядных белых одеждах. Они весело смеялись, и голоса их мелодично звенели, словно хрустальные колокольчики.

– Здравствуй! – кричали они наперебой. – Как тебя зовут? Почему ты такая грустная? Тебе страшно? Ха-ха-ха! Ты ничего не понимаешь! Здесь не страшно, а очень весело! Хочешь, мы тебе расскажем, как замечательно живем? Спроси кого хочешь! Мы будем очень рады с тобой поболтать! Ну скажи хоть что-нибудь! Как тебя зовут? Ответь же!

Валюшка растерянно моргала, переводя взгляд с одного лица на другое. Звуки веселых голосов складывались в чарующую мелодию, и Валюшка ощутила, что страх проходит. Она постепенно успокаивалась.

В самом деле, чего было пугаться? Наверное, здесь не так уж плохо, если эти люди так счастливы!

– Не молчи, это невежливо, в конце концов! – укоризненно сказал Гарм. – Смотри, как тебе все рады! Поговори хоть с кем-нибудь!

– Скажи нам, скажи, как тебя зовут! – раздался звонкий детский голос, и Валюшка увидела двух маленьких мальчиков, сидящих на одних качелях. Они крепко держались за руки и хохотали, глядя друг на друга, так что казалось, будто

они не Валюшку спрашивают о ее имени, а друг друга.

В этом было что-то странное...

Валюшка растерянно оглядела детей и вдруг заметила, что у одного мальчика из-под пушистой белой шубки выглядывают валеночки, а другой обут только в белые носки.

Ее словно ударило! Вдруг вспомнились двое оледенелых детей, которых она видела оплетенными гнилыми древесными корнями. Те дети вцепились друг в друга мерзлыми ручонками... у одного на ногах были покрытые льдом валеночки, а у другого только носки.

И снова зазвучал в голове голос убитой девушки, напоминающий дуновение дальнего ветерка: «Молчи... Не говори с нами. Не отвечай нам. Иначе не вырвешься отсюда. Навсегда останешься здесь, как мы...»

Да нет, этого не может быть! Те люди были мертвые, страшные, обвитые осклизлыми корнями, а эти вон какие веселые!

И все же... это ведь те же самые малыши...

Нет, она ничего не скажет!

Валюшка зажала руками рот, чтобы из него не вырвалось ни звука.

– Ты что? – изумленно спросил Гарм. – Ты что?! Ты не будешь ни с кем говорить? Но раз так, ты не сможешь увидеть меня! Ты этого не хочешь?!

Голос его был так печален, что Валюшке стало стыдно. Она отняла руки от рта и пробормотала:

– Я очень хочу тебя увидеть! Очень!

– Ну так заговори с ними! – воскликнул Гарм.

Валюшка замотала головой.

– Значит, нет?! – зло спросил Гарм.

– Нет! – отчаянно крикнула она – но не услышала собственного голоса. Его заглушил страшный треск!

Дворец покачнулся. У Валюшки разъехались ноги, она шлепнулась навзничь... и разглядела, что под неоглядным куполом дворца больше нет качелей со счастливыми и хохочущими людьми. Там снова болтались страшные корни неведомого дерева, обвивавшие оледенелые трупы.

А вокруг все трещало, грохотало и скрежетало, как будто какая-то неведомая сила пыталась пробить стены Хельхейма изнутри.

Белые звери и птицы рухнули со стен и бросились в бегство. Только бык остался... но он уже не был белым! Темно-красная полуободранная туша воздвиглась перед Валюшкой.

Рога были изъедены гнилью. Кое-где на боках сохранились лоскуты грязно-белой шкуры. Туша стояла на трех ногах, четвертая была отрублена.

Чудище угрожающе наклонило голову...

– Оставь ее, Тюрен! – раздался крик Гарма. – Некогда! Айсбайли! Это прорвались айсбайли! Вперед, к госпоже!

Туша издала недовольное мычание, больше напоминающее рев разъяренного зверя, и промчалась мимо Валюшки.

С ужасом проводив кошмарного быка глазами, она огляделась и обнаружила, что вместо величественных дворцовых стен вокруг громоздятся бесформенные торосы, а между ними бурлит и вьется какая-то темная река.

На одной из ледяных глыб на ее берегу стояли три женские фигуры.

Одна была сгорбленной старухой, закутанной в покрывало. Другая, с яростным выражением костистого, злобного лица, вздымала огромный меч.

«Да ведь это Модгуд и Скади! – догадалась Валюшка. – Как они изменились! А где же Хель?»

И в тот же миг увидела ее...

От великолепия белых одежд остались одни обрывки, едва прикрывающие тело Хель, а от неземной красоты не осталось вообще ничего. Валюшка ни за что не узнала бы в этом монстре прежнюю Хель, если бы не ее огненно-алые глаза, которые ничуть не изменились. Исполинского роста, с вислокоченными седыми волосами, Хель теперь была наполовину синей, наполовину белой и до пояса напоминала обычную женщину, однако ноги ее были покрыты жуткими черно-гнилыми пятнами, из которых сочилась сукровица.

Да, сейчас ее вполне можно было назвать этим ужасным именем – Цинга!

Ее хрустальный шар тоже преобразился. Теперь он был усеян шипами и напоминал звезду. Шар этот угрожающе раскачивался на серебряной цепочке, которую держала

Хель, вернее Цинга.

Она перебросила свое копьё Модгуд, вскочила верхом на трехногого быка и крикнула:

– Стереги ее, Гарм! Она не должна уйти!

Вслед за этим Цинга пришпорила пятками своих гниющих ног быка, и тот взвился на дыбы.

Сгущалась белая мгла, и Валюшка с трудом разглядела в ней каких-то жутких костлявых старух.

Их было десять... столько же, сколько фебер! Они тоже изменили облик, как и прочие! Теперь их было не отличить от Модгуд и Скади, вот только у них не было никакого оружия, кроме длинных и острых когтей, которые выглядели устрашающе.

«Если Хель – Цинга, то эти, значит, лихорадки! – догадалась потрясенная Валюшка. – Всего – вместе с Модгуд и Скади – их двенадцать! Все точно так, как сказала та девушка!.. Что же мне теперь делать? Как спастись?!»

Внезапно острые синие огни прорезали мглу, и она стремительно рассеялась, словно ее ветром унесло. Валюшка увидела полчище стремительно приближавшихся белых фигур.

Синие глаза ослепительно сияли, а руки сжимали странные топоры на тонких рукоятках. Этими топорами неизвестные существа разрушали все вокруг: и остатки ледяных стен, и белых птиц и зверей, которые бросались на них. Кулаки у них, чудилось, были изваяны из железа, потому что

удары их тоже были сокрушительны.

Значит, это с ними изготовились биться обитательницы Хельхейма!

– Вставай, – серебряная перчатка Гарма вздернула Валюшку и помогла ей подняться на ноги. – Держись за мою спиной, чтобы айсбайли не добрались до тебя. Иначе...
Смотри!

Он указал вверх, и Валюшка увидела, что синеглазые существа уже раскачиваются на корнях и рубят своими топориками жуткие оледенелые трупы! Вниз градом сыпались мелкие осколки.

Валюшка заметила, что тело девушки, которая предупредила ее о Цинге, разлетелось таким же ледяным крошевом.

– Айсбайли не щадят никого! Но их тоже не пощадит Моргенштерн госпожи нашей Хель! – вскричал Гарм.

Тем временем Цинга, Модгуд и Скади уже бросились в бой, а вслед за ними – когтистые старухи-лихорадки.

Цинга что-то кричала, широко раскрывая рот, полный обломков гниющих зубов. Моргенштерн, шипастый шар, так и летал вокруг нее на цепочке, выбивая топорики из рук айсбайлей. Если Моргенштерн попадал в голову айсбайля, тот исчезал бесследно.

Яростно бились Цинга и ее свирепые лихорадки. Но вдруг один из айсбайлей ухитрился зацепить острием топорика цепь Моргенштерна – и вырвал его из рук Цинги!

Она осталась безоружной и гневно оглядывалась вокруг.

Теперь ее защищал своими рогами только бык по имени Тюрен.

Скади и Модгуд были окружены врагами, а когти других лихорадок попусту вонзались в белые фигуры айсбайлей, не причиняя им никакого вреда.

– Гарм! – вскричала Цинга. – На помощь!

Раздалось оглушительное рычание, и над серебряными латами Гарма словно бы за клубилась тьма, а через миг Валюшка увидела, что эти латы облегают не торс красавца-рыцаря, как она думала сначала, а туловище огромного черного пса...

У него было четыре глаза, пылающих таким же кровавым пламенем, как глаза Цинги. Длинные белые клыки торчали из пасти словно у саблезубого тигра.

Пес резким движением вырвался из лат, которые тут же рассыпались ледяными осколками, и ринулся к своей повелительнице.

Он зубами вырвал у айсбайлей Моргенштерн, мотнув головой, перебросил его Цинге, и та, ловко поймав свое страшное оружие синей рукой, с радостным воплем раскрутила над головой цепь.

Гарм, казавшийся неуязвимым для вражьих топоров, орудовал мощными лапами, отшвыривая айсбайлей от Хель.

Внезапно Валюшка ощутила ужасную боль в плече. Повела глазами – и увидела железные пальцы, вцепившиеся в ее плечо. Повернула голову – и встретила взглядом с синими

глазами, яростно сверкающими на белом призрачном лице.

Айсбайль! Страшный убийца!

Валюшка попыталась вырваться, но не смогла. Айсбайль вскинул свободную руку, зацепил своим топором болтающийся над ними корень – и взвился вверх, не выпуская Валюшку.

Внизу раздался лютый, свирепый вой, и Валюшка, опустив глаза, увидела, что Гарм прыгает вниз, пытаясь дотянуться до нее. Однако новые и новые синеглазые фигуры преграждали ему путь, а тем временем айсбайль, державший Валюшку, поднимался все выше и выше, перелетая с корня на корень.

Внезапно хватка железных пальцев ослабла. Айсбайль с силой подбросил Валюшку. Она ощутила, что взмывает вверх, а шуба, подарок Гарма, сваливается с нее и падает вниз, потом увидела, что на нее надвигается темнота, однако в этой темноте слегка высвечивались странные очертания, напоминающие очертания распростертого человеческого тела.

Миг – и Валюшка врезалась в это бледное свечение. Ее словно бы сковали какие-то путы, а потом ей стало так тесно, больно и страшно, что она лишилась сознания.

Валюшка очнулась оттого, что какие-то голоса гудели над

ухом и ужасно мешали:

– Доктор, я не могу снять с нее одежду, все примерзло!

– Ничего страшного, не снимайте. Давайте положим ее в ванну как есть, все постепенно отмокнет, тогда и снимете. Только вода должна быть очень холодная, а теплую будем подливать постепенно. Очень медленно! До тех пор, пока температура воды не станет равной обычной температуре тела. Давайте я этим пока сам займусь, а вы, Марина Николаевна, капельницу поставьте. И следите, чтобы спирт поступал в кровь непрерывно.

– Спирт в кровь?! Да она ведь еще ребенок!

– Во-первых, спирт всего лишь пятипроцентный, а во-вторых, это чистый углевод, который мгновенно расщепляется в крови и согревает человека. Главное – не спешить.

Валюшка ощутила, как по телу начинают бегать мурашки. Сначала их было немного, и вели они себя довольно спокойно, но постепенно мурашек становилось все больше, и они откровенно нагтели. Топали по рукам, ногам, по лицу, даже за глаза щипать умудрялись! Валюшке уже орать хотелось, но она была не в силах пошевелить губами, потому что мурашки топтались и по ним, причиняя невероятную боль.

Однако слышать она явно стала лучше, и голоса, которые казались сначала однообразным низким гудением, постепенно разделились на женский – неровный и прерывистый, и мужской – спокойный и уверенный. Почему-то Валюшке казалось, что этот мужской голос она уже слышала, только не

могла вспомнить когда и где.

Несмотря на боль, которая пронизывала все тело и, кажется, даже мозг, Валюшка догадалась, что мужчина называется – доктор, а женщина – Марина Николаевна.

– Да вы не плачьте, – снова заговорил доктор, – ваше дело – за капельницей следить. А я еще немножко тепленькой водички подолью. Все-таки резервы человеческого организма неисчерпаемы, и никто не может знать, на что он способен. Поэтому будем надеяться на лучшее. Глядишь, и в самом деле выживет наша девочка, окрепнет...

Внезапно раздался какой-то длинный неприятный звук.

Валюшка после некоторого раздумья вспомнила, что так скрипит дверь, если у нее петли не смазаны.

А потом кто-то громко прошептал:

– Чтобы девке сделаться телом крепкой, надобно ей стать на топор.

– Господи милостивый! – воскликнул доктор. – А это что еще за привидение?!

– Увидеть во сне привидение, – снова послышался тот же шепот, – если оно не безобразно и одето в белое платье – значит утешение и радость. Если же одето в черное и безобразно, сие знаменует тщетные усилия и обман.

– Эй, ты мне это прекрати! – рассердился доктор. – Я вот тебе сейчас покажу тщетные усилия! А ну, гуляй отсюда!

– Да ты уж в самом деле иди, иди, Лёночка, – ласково сказала Марина Николаевна. – Иди почитай свою книжечку. А

то у нас работы много. Видишь, девочку лечим. Тебя вылечили, теперь ее лечим. Иди, Лёничка!

Дверь снова заскрипела. Наверное, закрылась.

– Что за чудик такой? – изумленно спросил доктор. – Откуда он взялся?!

– Да вы только-только в отпуск уехали, как этот Лёничка к нам приблудился, – ответила Марина Николаевна. – Поэтому вы и не видели его раньше. Тоже вроде этой девочки: замерз в сугробе. Только сам очнулся и прибрел, попросился у Ефимыча погреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.